

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

УДК 321.01+355.01

DOI: 10.18384/2310-7227-2023-1-97-106

ФЕНОМЕН ПОЛИТИЧЕСКОГО И ГРАНИЦЫ НАСИЛИЯ

Балаклеец Н. А.

Самарский государственный технический университет

443100, г. Самара, ул. Молодогвардейская, д. 244, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Раскрытие проблемы конституирования границ насилия в концептуальном горизонте политического и сопряжённых с ним феноменов (до-, пост- и сверхполитическое).

Процедура и методы. В работе используются методологические принципы и установки социального конструктивизма, герменевтики, историко-философского и сравнительного анализа. Концепции Т. Гоббса, К. Шмитта, К. Ясперса, которые послужили материалом для исследования, проанализированы на основе политической дифференции (разделения концептов «политическое» и «политика»).

Результаты. Эксплицирована связь феномена политического с формами и практиками насилия, существующими в обществе. Выявлены три концептуальные оси анализа границ политического насилия: смысловой потенциал концепта политического раскрыт в горизонте семантически родственных концептуальных средств анализа (до-, пост- и сверхполитическое).

Теоретическая и/или практическая значимость работы заключается в раскрытии потенциала феномена политического, который характеризуется открытым и трансгрессивным существованием, для решения проблемы ограничения насилия.

Ключевые слова: война, государство, дополитическое, насилие, политическое, постполитическое, сверхполитическое

THE PHENOMENON OF THE POLITICAL AND THE LIMITS OF VIOLENCE

N. Balakleets

Samara State Technical University

ul. Molodogvardeyskaya 244, Samara 443100, Russian Federation

Abstract

Aim. To reveal the problem of constituting the limits of violence in the conceptual horizon of the political and related phenomena (pre-, post- and over-political).

Methodology. The article uses the methodological principles and guidelines of social constructivism, hermeneutics, historical-philosophical and comparative analysis. The doctrines of Thomas Hobbes, Carl Schmitt, Karl Jaspers, which formed the basis of the study, are analyzed on the basis of the political difference (the distinction between the political and politics).

Results. The connection between the political and the forms and practices of violence that exist in society is explicated. Three conceptual axes for analyzing the limits of political violence are revealed: the semantic potential of the concept of the political is regarded in the horizon of semantically related conceptual means of analysis (pre-, post- and over-political).

Research implications. The study reveals the potential of the political which is characterized by an open and transgressive existence and can solve the problem of limiting violence.

Keywords: war, state, pre-political, violence, political, post-political, over-political

Введение

Проблема границ, механизмов эскалации и способов деэскалации политического насилия остаётся одной из самых актуальных и дискутируемых в политической философии. Отправной точкой для нашего исследования служит феномен политического, который обнаруживает взаимосвязь с формами и практиками насилия, существующими в обществе. Вводя в концептуальный оборот концепт политического, релевантный для осмысления феномена насилия, отметим, что он вошёл в российский теоретический дискурс как калька немецкого субстантивированного прилагательного *das Politische*, восходящего, в свою очередь, к греческому прилагательному *politikós* – «затрагивающий гражданина, гражданство (*Bürgerschaft*); относящийся к государственному управлению»¹. Для немецкой и французской политико-философской мысли характерна так называемая политическая дифференция – чёткое разделение категорий «политическое» и «политика» (*das Politische und die Politik* и, соответственно, *le politique et la politique*)².

Политическое как сферу реализации отношений власти путём установления границ и различий следует отличать от политики, представляющей собой совокупность конкретных практик, направленных на достижение конкурентных преимуществ в миметическом соревновании с другими акторами. Как отмечает Ж. Рансьер, «разговор о политическом, а не о политике, означает, что мы говорим о принципах закона, власти и общества, а не о правительственной кухне» [8, с. 11]. Для политико-философского анализа значимость имеет концептуализация первой из названных категорий, лишённой локаль-

ной привязки и конкретно-эмпирических смыслов и, по выражению Х. Арндт, задающей «нормативный масштаб для всех (*jewels*) реализованных форм политики» (цит. по: [16, с. 16]). Политическое, таким образом, может быть понято как трансцендентальное поле политики.

Настоящее исследование призвано раскрыть феномен политического в аспекте границ и способов деэскалации насилия. Проведённый анализ позволил выявить три концептуальные оси, позволяющие осмыслить феномен насилия через концепт политического. Речь идёт о семантических оппозициях «политическое – дополитическое», «политическое – постполитическое», «политическое – сверхполитическое», исследование каждой из которых вносит вклад в раскрытие проблемы границ насилия. Один из членов каждой из обозначенных оппозиций обозначает состояние неограниченного насилия, тогда как второй связан с конституированием его границ. Рассмотрим далее последовательно каждую из приведённых категориальных пар.

Томас Гоббс: насилие в контексте (до) политического

Противопоставление дополитического и политического имплицировано в трактате Т. Гоббса «Левиафан». Несмотря на то, что мыслитель эксплицитно не оперирует названными категориями, в тексте «Левиафана» ограничение насилия связывается с учреждением политического, центральным элементом которого выступает суверенная государственная власть. Нерегламентированное насилие, напротив, характерно для дополитического (состояния отсутствия общей власти и закона), которому свойственны соперничество, недоверие и жажда славы [3, с. 86]. Подчеркнём, что Гоббсова оппозиция дополитического и политического (естественного и гражданского состояния)

¹ Duden, *Etymologie: Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache*. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverl., 1997. S. 540.

² Хрестоматийной работой в данной области является «Понятие политического» К. Шмитта [13].

не тождественна оппозиции «асоциальное – социальное»¹. Естественное состояние, которое характеризуется всеобщим недоверием, подозрительностью и страхом, не следует рассматривать как дообщественное состояние, исключаяющее любые формы проявления социальности: «в естественном состоянии у Гоббса возможно *социальные действия*, т. е. такое, которое ориентировано на реакцию и понимание других» [5, с. 132].

Согласно Гоббсу, источником насилия («войны всех против всех») в естественном состоянии является исходное равенство индивидов – на это положение неоднократно обращали внимание интерпретаторы «Левиафана» [11, с. 25; 10, с. 104; 17, с. 64; 7, с. 272; 5, с. 136]. Постулирование Гоббсом природного равенства людей «в отношении физических и умственных способностей» [3, с. 85] представляет собой разрыв с аристотелевской политической антропологией, в рамках которой происходит эссенциализация неравенства людей, одним из которых самой природой уготовано повелевать, а другим – подчиняться [1, с. 1422]. В рамках новоевропейского политико-философского дискурса, конструируемого Гоббсом, человек не является по определению «политическим животным». Иными словами, принадлежность к политическому трактуется автором как приобретённое, а не имманентное человеку свойство. Приписываемая английскому политическому мыслителю эссенциализация злого начала в человеческой природе, ставшая общим местом в интерпретациях политико-антропологических идей Гоббса [20, с. 185], на наш взгляд, нуждается в пересмотре. Человек, согласно Гоббсу, прежде всего, существо *желающее*, движимое разнообразными страстями, среди которых особое место занимает «желание власти» [3, с. 51]. Природное «равенство способностей» лежит в основе экзистенциального «равенства надежд на достижение целей»: «если два человека желают одной и той же вещи, которой, однако, они не мо-

гут обладать вдвоём, они становятся врагами» [3, с. 86].

Отталкиваясь от Гоббсова образа мысли, можно прийти к выводу о том, что крайние формы *неравенства*, исключаящие всякую возможность симметризации противостоящих друг другу политических акторов, не обладают действительным конфликтным зарядом. Напротив, возможность достигнуть *равенства* в асимметричном противостоянии чревата политическими конфликтами. В данной связи показателен исторический экскурс Ж. Рансьера, который выявил взаимосвязь между появлением во Франции юридического дискурса о равенстве (Хартия 1830 г.) и забастовкой парижских рабочих-портных 1833 г. В ситуации непризнания хозяевами ряда требований рабочих в отношении условий труда обнаружился разрыв между декларируемым равенством рабочих *de jure* и наличествующим неравенством *de facto* [8, с. 74]. Юридическо-политическое утверждение равенства в ситуации фактического неравенства не только обнажило существующую социальную асимметрию, но и указало если не на перспективу её преодоления, то, по крайней мере, на возможность попыток её сглаживания.

Заключение общественного договора, по Гоббсу, полагает пределы нерегламентированному насилию, водворяя его в рамки политического. Учреждение абсолютной власти суверена не приводит к полному устранению насилия из социальной жизни. Государство, суверенная власть которого держится на добровольном согласии подданных, вправе вести борьбу со своими врагами. Гоббс признаёт за государством, представители которого «не наказуемы», право наказания и право войны. Насильственные действия (наказания), причиняемые представителями суверенной власти по отношению к подданным, ограничены законом. Напротив, насилие в отношении врагов государства (бунтовщиков, отрицающих государственную власть) не подлежит строгой законодательной регламентации: «если подданный станет делом или словом умышленно и преднамеренно подкапывать под авторитет пред-

¹ Категории «политическое» и «социальное» в целом не следует отождествлять, что было обосновано Х. Арндт [15, S. 28].

ставителя государства, то он может быть по праву подвергнут любой расправе, которую представитель государства пожелает» [3, с. 215–216]. Таким образом, теория Гоббса ограничивает и законодательно регламентирует насилие лишь по отношению к подданным государства, добровольно признающим и поддерживающим государственную власть¹. Отказ от подданства может быть расценён как попытка возвращения к дополитическому (состоянию *bellum omnium contra omnes*). Отказавшись быть подданным государства, человек делает себя его врагом. Любое насилие в отношении подобного бунтовщика, подрывающего авторитет государственной власти, признается Гоббсом оправданным. Война, которую ведёт государство против своих врагов, не ограничена никакими рамками [3, с. 218–219]. Кроме того, война может быть оправдана социально-экономическими причинами, выступая крайним средством решения проблемы перенаселения Земного шара [3, с. 238].

Ограничивая политическое насилие в отношении подданных государства, определяя его в категориях закона и наказания, Гоббс выстраивает не просто этатистскую, но этатоцентристскую концепцию политического, оставляя «за скобками» проблему регламентации межгосударственного насилия. Идея добровольного, ненасильственного подчинения суверену, развиваемая в «Левиафане» (в терминологии Гоббса, идея *политического государства*), предполагает обращение к насилию в случае угрозы существованию политического порядка. Внутренние или внешние враги, представляющие угрозу для государственного суверенитета, помещаются Гоббсом за пределы сферы действия закона.

¹ Подчёркивая значимость «послушания и согласия подданных» [3, с. 232] для эффективного функционирования государственной власти и экономического процветания народа, Гоббс развивает мысль Э. де ла Бозси о том, что власть зиждется не столько на действиях властителя, сколько на добровольном подчинении подвластных. Но если Гоббс выстраивает свою политико-философскую концепцию как апологию государственной власти, то для ла Бозси характерна её критика [2].

Карл Шмитт: феномен политического и перспектива деполитизации насилия

Категория врага применяется автором «Левиафана» как для характеристики межличностных *дополитических* конфликтов (в естественном состоянии «каждый является врагом каждого»), так и по отношению к противостоящим государству *политическим* акторам. В политической философии К. Шмитта категория врага является конститутивной для политического: «Специфически политическое различие, к которому можно свести политические действия и мотивы, – это различие *друга* и *врага*» [13, с. 301]. При этом включение категории врага в феномен политического не призвано придать последнему насильственный характер, но, напротив, предполагает постулирование границ и сдерживание политического насилия. Политическая вражда принципиально отличается от вражды в экзистенциально-личностном значении данного термина. Новозаветная заповедь, которая предписывает любовь к врагам («*diligite inimicos vestros*»), распространяется на личных недоброжелателей и неприменима к политическому противоборству. Враг в политическом значении данного термина (*hostis*, а не *inimicus* [13, с. 304]) не является объектом ненависти или субъективно-личностной неприязни.

Гештальт политического врага является условием существования политического мира в качестве плюриверсума – совокупности суверенных политических единств. Таким образом, в своей концепции политического Шмитт преодолевает этатоцентристскую установку, свойственную Гоббсу, и анализирует насилие не только из внутrigосударственной, но и из метagосударственной перспективы [9]. В отношении понимания государства как единства, исключаящего имманентный плюрализм, Шмитт солидарен с Гоббсом. Политическое конституировано в качестве множественности (плюриверсума) в макроперспективе глобального мироустройства. Это означает, что многополярный политический мир основан на сосущество-

вании множества суверенных государств (политических единств), каждое из которых самостоятельно принимает «решение о друге и враге» [13, с. 305].

Война, представляющая собой «вооружённую борьбу между организованными политическими единствами» [13, с. 308], согласно Шмитту, не должна приводить к тотальному уничтожению врагов, что привело бы к разрушению феномена политического. Война как политическое насилие подлежит заключению в границы и законодательной регламентации. Значимым для Шмиттовой политической философии является разграничение понятий «законный враг» (*justus hostis*) и «незаконный враг» (*hostis injustus*). В качестве первого выступают комбатанты, которым как представителям суверенного государства делегировано право убийства комбатантов враждебного государства. В качестве второго квалифицируются некомбатанты, которые применяют насильственные действия по отношению к комбатантам. Если по отношению к *justus hostis* действуют международно-правовые нормы, регламентирующие характер войны, то *hostis injustus* в соответствии с международным правом является преступником [12, с. 213; 14, с. 20]. Таким образом, насилие на войне – это регламентированное насилие, право на которое принадлежит исключительно признающим друг друга врагам. Оно ограничено европейским публичным правом (*jus publicum europaeum*) и должно привести не к уничтожению врага, но к его водворению «обратно в свои границы» [13, с. 312]. Борьба против законного врага удерживает стихию войны в определённых рамках, предотвращая её перерастание в абсолютное насилие.

Нивелирование оппозиции друга и врага повлекло бы за собой разрушение феномена политического и радикальное преобразование войны. Выход за пределы политического связан с учреждением *постполитического* или деполитизированного мира, в котором будет упразднён плюриверсум политических единств, разделённых на друзей и врагов. Шмитт моделирует

ситуацию «последней окончательной войны человечества», в которой столкнутся две политические силы, победа одной из которых приведёт к выходу за пределы политического. В этом случае враг уже не будет просто водворён в его прежние границы, но подвергнут полному моральному и физическому уничтожению [13, с. 312]. Продолжая мысленный эксперимент Шмитта и развивая его идею возможности наступления деполитизированной эпохи, предложим гипотезу, согласно которой эта эвентуальная эпоха приведёт к отмиранию понятия войны и сопряжённых с ним категорий (победа, поражение, комбатант, некомбатант и т. д.). Постполитические насильственные действия в отношении акторов, несущих угрозу безопасности человечества, будут уподоблены, скорее, полицейской или карательной операции, нежели открытым боевым действиям. Вместе с тем, в условиях постполитического мира будут преодолены границы насилия, устанавливаемые понятием «законный враг».

Следует отметить, что и насилие, свойственное феномену политического, является условно ограниченным. Концепция Шмитта ограничивает ведение войн действием европейского публичного права, оставляя место для сферы неограниченного насилия. Дуэльный характер войны, приписываемый Шмиттом европейским государствам раннего Нового времени и основанный на раскрытом выше разделении «законных» и «незаконных» врагов, предполагает сглаживание политического насилия исключительно внутри Европы¹. Острота внутривосточного политического противостояния переносится тем самым за рамки европейского пространства в нейтральную пространственную сферу, некую *terra nullius* («ничью землю»)².

¹ Шмиттов тезис о дуэльном характере войны, определяемом европейским публичным правом, следует трактовать в модусе должного: «Его идеализация войн Старого порядка подрывается частотой, размахом, длительностью и интенсивностью, а также издержками и жертвами конфликтов эпохи раннего Нового времени» [9, с. 29].

² Очевидно, что «ничьей» эта земля признается исходя из европоцентричного политико-философского

Иными словами, условием сдерживания всей остроты внутриевропейских межгосударственных конфликтов является конституирование за пределами Европы пространства, свободного для неограниченного насилия¹. В качестве подобной «новой земли» выступает пространство «по ту сторону линии» (*beyond the line*). С одной стороны, это территория Нового Света, свободная от действия норм европейского права, ограничивающего войну. С другой стороны, это свободное море, юридический статус которого колеблется между *res nullius* и *res omnium* [12, с. 223].

Таким образом, политическое урегулирование насилия с помощью норм европейского публичного права не является универсальным и не распространяется на пространство «по ту сторону линии», которое по сути локализует и поддерживает естественное состояние. Политическое, основанное на ограничении насилия, в концепции Шмитта предполагает не только возможность выхода в область постполитического, но и наличие дополитического, свободного от норм правовой регламентации и способов сдерживания насилия.

Карл Ясперс: идея сверхполитического как регулятив насилия

Если для Шмитта трансгрессия (выход за пределы) политического связывается с утверждением состояния неограниченного насилия, то в концепции политического К. Ясперса, представленной в его работе «Атомная бомба и будущее человека», предлагается принципиально иное понимание способов ограничения насилия. Отметим, что автор не придерживается чёткой политической дифференции, одновременно используя концепты «политическое» (*das Politische*) и «политика» (*die Politik*) и противопоставляя их «сверхполитическому» (*das Überpolitische*). Обращение Ясперса к концепту «сверхполитическое» призвано

и юридического дискурса.

¹ Как отмечает К. Шмитт, «отграничение вневроевропейской зоны борьбы служило ограничению европейских войн» [12, с. 93].

служить определению границ и обозначению способа трансцендирования политического. Политика как совокупность методов, посредством которых происходит самоутверждение исторически обусловленного человеческого наличного бытия, представляет собой «обращение с насилием» (*Umgang mit der Gewalt*) [19, с. 57]. Отказ от насилия, означающий одновременно отказ наличного бытия (*Dasein*) от самоутверждения, привёл бы к прекращению политики. Политическое само по себе не обладает онтологической полнотой и самодостаточностью, обнаруживая свою несостоятельность в ситуации достижения насилия крайних форм. Тем самым Ясперс выявляет недопустимость абсолютизации политического и необходимость его подчинения сверхполитическому, которое, в свою очередь, должно обладать автономией и регулятивной ценностью для политики. Эмансипация политики от сверхполитического приведёт к её краху. Напротив, долгосрочное и эффективное функционирование политических институтов предполагает наличие направляющего их сверхполитического феномена. В качестве такового выступают, во-первых, нравственная идея, и, во-вторых, жертвенность (*Opfermut*).

Конституирование сверхполитического этоса, цель которого заключается в утверждении ценности жизни и деэскалации насилия связано, по Ясперсу, с преобразованием нравственно-политической воли. Причём значимостью для трансформации политики обладают изменения в области повседневного человеческого бытия, направляемые практическим разумом. Этические ценности, определяющие поведение человека в частной сфере, сказываются и на его политических решениях. Основы сверхполитического этоса закладываются в повседневных человеческих поступках.

Готовность к самопожертвованию (*Opfermut*) не является собственно политическим средством, однако она имеет значимые для политики последствия. Сверхполитическое значение жертвы

определяется тем, что она направляется нравственными ценностями, такими, как воля к свободе и справедливости. Показательно, что насилие может иметь сверхполитическое значение, если в нём воплощается воля народа к освобождению (вооружённая борьба за независимость голландцев и швейцарцев, Великая французская революция) [19, s. 55–56].

Согласно Ясперсу, насилие невозможно исключить из человеческого наличного бытия. Однако отличие человека от остальных живых существ заключается в стремлении упорядочить насилие, заключив его в определённые рамки. В этом осознанном регламентировании насилия и проявляется служебный характер политики по отношению к сверхполитическому. Сдерживание насилия становится возможным путём создания правового государства, в котором учреждён институт полиции. Следовательно, для ограничения насилия необходимо некое «противонасилие»¹, помещённое в рамки закона. Полицейская акция представляет собой такой необходимый минимум насилия, который служит средством предотвращения его безудержного роста [18, s. 58]. Постулируя необходимость законодательно регламентированного наказания, Ясперс, по сути, воспроизводит образ мыслей Гоббса, для которого государственное насилие есть средство предотвращения возврата общества к дополитическому состоянию войны всех против всех.

Вместе с тем немецкий мыслитель не оставляет без внимания и проблему эскалации межгосударственного насилия. Автор переворачивает классический тезис К. фон Клаузевица о войне как продолжении политики другими средствами. Если признать применение насилия естественным для человечества, а отсутствие конфликтов, напротив, неким исключением,

¹ Идея о том, что для сдерживания насилия необходимо «противонасилие», была развита также Р. Жираром, но применительно к иным социокультурным реалиям. Жирар рассматривал практику жертвоприношения, характерную для архаических обществ, как средство обуздания социального насилия [4].

политика будет мыслиться как продолжение войны, а не наоборот. «Естественное» насилие, присущее межгосударственным отношениям, согласно Ясперсу, может быть минимизировано путём их подчинения всеобщему праву.² Политическое, способное свести межгосударственное насилие к минимуму, должно быть конституировано из перспективы глобального суверенитета. Возрождая дискурс Канта о вечном мире, Ясперс моделирует ситуацию глобальной «полицизации» политического насилия, при которой станет возможным поддержание бесконфликтного состояния между государствами. Поскольку полное освобождение политического порядка от насилия не представляется возможным, речь идёт о сохранении минимума насилия, по аналогии с действиями полиции в пределах отдельно взятого государства. В рамках глобального суверенитета названный минимум насилия применим по отношению к отдельным государствам, чьи действия разрушительны для общемирового политического порядка. Таким образом, «на место войны пришла бы полицейская акция» [18, s. 59]. При этом надгосударственный политический порядок не привёл бы к отмиранию таких политических единств, каковыми являются национальные государства, но, напротив, послужил бы средством их сохранения, при условии, что действия ни одного из них не будут определяющими для всеобъемлющего порядка [18, s. 90]. Установление глобального мирового порядка с единым центром власти было бы губительно для всего человечества. Единое мировое государство с характерными для него атрибутами (единые для всего населения Земли полиция, парламент, валюта и т. д.) стало бы гигантской деспотией с неограниченной террористической властью. В качестве альтернативы всемирной деспотии высту-

² Мысль о том, что войны, которые ведёт человечество, заканчиваются не миром, но перемирием, сохраняющим возможность новых войн, была высказана И. Кантом. Состояние войны признается немецким классиком «естественным» для «людей, живущих по соседству», тогда как мир должен быть установлен [6, с. 205–206, 209].

пают глобальная политическая система, основанная на равновесии практик насилия. Иными словами, сдерживание насилия в глобальных масштабах мыслится возможным путём создания децентрализованной системы полицейских практик насилия (*viele Polizeigewalten*) [18, s. 146–147]. Таким образом, направляемый сверхполитической (правовой) идеей децентрализованный глобальный миропорядок смог бы положить пределы безудержному росту насилия в мировых масштабах. Насилию должно отвести его границы. Децентрация насилия в мировых масштабах способствует его деэскалации (и в этом Ясперс солидарен со Шмиттом). Но если для Шмитта в качестве своеобразного «катехона», сдерживающего глобальное насилие, выступает политическое, для Ясперса таковым является сверхполитическое, основанное на глобальном правосознании.

Европоцентристская организация политического, апология которой выстроена Шмиттом, была основана на неравномерном способе локализации и упорядочения насилия: если в границах европейского политико-правового порядка господствовала безопасность, то за пределами Европы лежала «ничья земля», где царили беззаконие, произвол и жажда наживы [18, s. 114–115]¹. В условиях окончания колониальной эры европейские народы лишились возможности амортизации внутриевропейских конфликтов путём перенесения их тяжести в пространственную область, свободную от действия норм международного права. Иными словами, отсутствие

«ничьей земли» требует от европейских держав пространственных ограничений и отказа от политической, военной и экономической борьбы за те области, которые исторически не относятся к западному миру [18, s. 133–134]. В обозначенных условиях обнаруживается эвристический потенциал категории «сверхполитическое», которая, представляя собой концептуальное средство анализа способов сдерживания насилия в современном мире, открыта для дальнейшей разработки.

Заключение

Как показало настоящее исследование, насилие в разнообразии присущих ему форм и практик не может быть устранено из социальных и политических отношений. Следовательно, значимой для политической философии задачей является не поиск средств и механизмов *искоренения* политического насилия, но выявление способов его *ограничения*. Отправной точкой политико-философской рефлексии в данном направлении служит концепт «политическое», который образует ряд семантических оппозиций с сопряжёнными концептуальными средствами анализа. До-, пост- и сверхполитическое суть те концептуальные средства, которые конституируют необходимый смысловой горизонт по отношению к «политическому», обнаруживая его границы и охватываемые им возможности сдерживания и регулирования насилия. Политическое не следует рассматривать в качестве автономного феномена, подчинённого имманентной логике развития. Оно также не подлежит эссенциализации, поскольку не является раз и навсегда данным в своём наличном бытии. Феномен политического характеризуется открытым, трансгрессивным и неустойчивым существованием и содержит возможности перехода к до-, пост- или сверхполитическому.

Политическое, которое конституировано как альтернатива до- или постполитическому, обладает свойством сдерживания неограниченного насилия (Т. Гоббс,

¹ Характеризуя европейцев периода колониальной экспансии, Ясперс, в частности, отмечает: «В то время как они имели между собой в Европе мир, за её пределами они вели друг против друга одну и ту же неоформленную войну, без начала и завершения, зачастую в потёмках, из которых в Европу не попадало никаких новостей. Так, даже сегодня многочисленные захоронения, найденные на Шпицбергене, являются свидетельством безымянных битв между голландцами и англичанами, дома у которых в то же самое время царил мир» [18, s. 115]. Показательно, что, воспроизводя дискурс Шмитта о *terra nullius*, Ясперс не упоминает его работ ни в тексте своего исследования, ни в сопровождающем его библиографическом списке.

К. Шмитт). Вместе с тем само политическое не свободно от насильственных практик, которые подлежат регламентации и являются тем минимальным злом, которое оберегает человечества от катастрофических последствий. Если исходить из оппозиции политического и сверхполитического (К. Ясперс), в данном случае сдер-

живающим потенциалом наделяется её второй элемент. Таким образом, выявлены разные степени интенсивности и способы ограничения насилия, которые выстраиваются исходя из феномена политического.

Статья поступила в редакцию 03.09.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балаклеец Н. А. Субъект и власть: эссенциализм и пути его преодоления в современной политической философии // *Философия и культура*. 2016. № 10. С. 1419–1429.
2. Боэси Э. де ла. Рассуждение о добровольном рабстве / пер. Ф. А. Когана-Бернштейна. М.: Издательство АН СССР, 1952. 200 с.
3. Гоббс Т. Левиафан / пер. А. Гутермана. М.: Мысль, 2001. 480 с.
4. Жирар Р. Насилие и священное / пер. Г. Дашевского. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 400 с.
5. Иванова Ю. В., Соколов П. В. Кроме Макиавелли: проблема метода в политических науках раннего Нового времени. М.: Квадрига, 2014. 320 с.
6. Кант И. К вечному миру // *Трактаты о вечном мире* / сост. И. С. Андреевой, А. В. Гулыги. СПб.: Алетейя, 2003. С. 205–241.
7. Магун А. В. Единство и одиночество: курс политической философии Нового времени. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 544 с.
8. Рансьер Ж. На краю политического / пер. Б. М. Скуратова. М.: Праксис, 2006. 240 с.
9. Тешке Б. Решения и нерешительность. Политические и интеллектуальные прочтения Карла Шмитта // *Логос*. 2012. № 5 (89). С. 3–43.
10. Фуко М. Нужно защищать общество: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году / пер. Е. А. Самарской. СПб.: Наука, 2005. 312 с.
11. Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса / пер. Д. В. Кузницына. СПб.: Владимир Даль, 2006. 300 с.
12. Шмитт К. Номос Земли в праве народов *jus publicum europaeum* / пер. К. Лощевского, Ю. Коринца. СПб.: Владимир Даль, 2008. 670 с.
13. Шмитт К. Понятие политического / пер. А. Ф. Филиппова, А. П. Шурбелева, Ю. Ю. Коринца. СПб.: Наука, 2016. 568 с.
14. Шмитт К. Теория партизана / пер. Ю. Ю. Коринец. М.: Праксис, 2007. 301 с.
15. Arendt H. *Vita activa oder Vom tätigen Leben*. München; Zürich: Piper, 1994. 375 s.
16. Bedorf T. *Das Politische und die Politik. Konturen einer Differenz* // *Das Politische und die Politik* / hrsg. T. Bedorf, K. Röttgers. Berlin: Suhrkamp, 2010. S. 13–37.
17. Hirsch A. *Recht auf Gewalt? Spuren der philosophischen Gewaltrechtfertigung nach Hobbes*. München: Wilhelm Fink Verlag, 2004. 381 s.
18. Jaspers K. *Die Atombombe und die Zukunft des Menschen. Politisches Bewusstsein in unserer Zeit*. München: R. Piper & Co Verlag, 1958. 506 s.
19. Schelsky H. *Die Totalität des Staates bei Hobbes* // *Archiv für Rechts – und Sozialphilosophie*. 1937–38. Vol. 31. № 2. S. 176–193.

REFERENCES

1. Balakleets N. A. [Subject and Power: Essentialism and Ways to Overcome it in Modern Political Philosophy]. In: *Filosofiya i kul'tura* [Philosophy and Culture], 2016, no. 10, pp. 1419–1429.
2. Boétie E. de la. *Discours de la servitude volontaire* (Rus. ed.: Kogan-Bernshtein F. A., transl. *Rassuzhdenie o dobrovol'nom rabstve*. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1952. 200 p.).
3. Hobbes T. *Leviathan* (Rus. ed.: Guterman A., transl. *Leviafan*. Moscow, Mysl Publ., 2001. 480 p.).
4. Girard R. *La violence et le sacré* (Rus. ed.: Dashevsky G., transl. *Nasilie i svyashchennoe*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2000. 400 p.).
5. Ivanova Yu. V., Sokolov P. V. *Krome Machiavelli: problema metoda v politicheskikh naukah rannego Novogo vremeni* [In Addition to Machiavelli: The Problem of Method in the Political Sciences of the Early Modern Period]. Moscow, Kvadriga Publ., 2014. 320 p.

6. Kant I. Zum ewigen Frieden (Rus. ed.: *K vechnomu miru*. In: Andreeva I. S., Gulyga A. V., comps. *Traktaty o vechnom mire* [Treatises about the Eternal World]. St. Petersburg, Aletejya Publ., 2003, pp. 205–241).
7. Magun A. V. *Edinstvo i odinochestvo: kurs politicheskoy filosofii Novogo vremeni* [Unity and Loneliness: A Course of Political Philosophy of the New Age]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2011. 544 p.
8. Rancière J. Politics on the Edges of Liberalism (Rus. ed.: Skuratov B. M., transl. *Na krayu politicheskogo*. Moscow, Praksis Publ., 2006. 240 p.).
9. Teshke B. [Decisions and Indecisiveness. Political and Intellectual Readings of Carl Schmitt]. In: *Logos*, 2012, no. 5 (89), pp. 3–43.
10. Foucault M. “Society Must Be Defended”: Lectures at the Collège de France, 1975–1976 (Rus. ed.: Samarskaya E. A., transl. *Nuzhno zashchishchat’ obshchestvo: kurs lektsij, pročitannyh v Kollezhe de Frans v 1975–1976 uchebnom godu*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2005. 312 p.).
11. Schmitt C. The Leviathan in the State Theory of Thomas Hobbes (Rus. ed.: Kuznitsyn D. V., transl. *Leviafan v uchenii o gosudarstve Tomasa Gobbsa*. St. Petersburg, Vladimir Dal’ Publ., 2006. 300 p.).
12. Schmitt C. Der nomos der erde im völkerrecht des jus publicum europaeum (Rus. ed.: Loshchevsky K., Kornic Yu., transl. *Nomos Zemli v prave narodov jus publicum europaeum*. St. Petersburg, Vladimir Dal’ Publ., 2008. 670 p.).
13. Schmitt C. The Concept of the Political (Rus. ed.: Filippova A. F., Shurbelev A. P., Korinec Yu. Yu., transl. *Ponyatie politicheskogo*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2016. 568 p.).
14. Schmitt C. The Theory of the Partisan (Rus. ed.: Korinec Y. Y., transl. *Teoriya partizana*. Moscow, Praksis Publ., 2007. 301 p.).
15. Arendt H. *Vita activa oder Vom tätigen Leben*. München, Zürich, Piper, 1994. 375 s.
16. Bedorf T. Das Politische und die Politik. Konturen einer Differenz. In: Bedorf T., Röttgers K., eds. *Das Politische und die Politik*. Berlin, Suhrkamp, 2010, pp. 13–37.
17. Hirsch A. Recht auf Gewalt? Spuren der philosophischen Gewaltrechtfertigung nach Hobbes. München, Wilhelm Fink Verlag, 2004. 381 s.
18. Jaspers K. *Die Atombombe und die Zukunft des Menschen. Politisches Bewusstsein in unserer Zeit*. München, R. Piper & Co Verlag, 1958. 506 s.
19. Schelsky H. Die Totalität des Staates bei Hobbes. In: *Archiv für Rechts – und Sozialphilosophie*. 1937–38, vol. 31, no. 2, ss. 176–193.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Балаклеец Наталья Александровна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук Самарского государственного технического университета;
e-mail: bnatalja@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Natalia A. Balakleets – Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Department of Philosophy, Social Sciences and Humanities, Samara State Technical University;
e-mail: bnatalja@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Балаклеец Н. А. Феномен политического и границы насилия // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2023. № 1. С. 97–106.
DOI: 10.18384/2310-7227-2023-1-97-106

FOR CITATION

Balakleets N. A. The Phenomenon of the Political and the Limits of Violence. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2023, no. 1, pp. 97–106.
DOI: 10.18384/2310-7227-2023-1-97-106